

А прошлое ясней, ясней, ясней

ших командиров, он бросил крылатую фразу: «Армией командую я и командир отделения». Командиры отделений все 24 часа проводят с солдатами: спят, едят, занимаются физподготовкой, учат преодолевать полосу препятствий, владеть оружием, рыть окопы и беречь голову в наступлении и всюду должны быть первыми – в учении и в походе. «Учить надо не рассказом, а показом», – записано в воинском наставлении. В учебном полку главная единица – рота, около 160 солдат и сержантов. Важной персоной в роте был старшина. Он ведал всем

хозяйством, снабжением и распорядком дня. Хороший старшина и кормилец, и поилец, и судья солдат в отсутствие офицеров. Одним словом – фигура. В те годы был популярен такой анекдот.

Страшнее кошки зверя нет

Полночь. В большой ротной землянке спят крепким сном. Старшина роты почитает отдельно в своей каптерке около входа. Дежурный сержант и один дневальный бодрствуют в середине землянки, около стоек с оружием. Другой дневальный, молодой солдат – у входа на вахте. Он присел на табурет, облокотился на ладонь и задремал. Вдруг дверь распахивается, входят командир полка и его адъютант – проверка! Увидев спящего дневального, полковник в гневе начал распекать его. Тот в ужасе: «Тише, товарищ полковник, неровен час, разбудим старшину – обоим упадет!»

Учебный полк жил по жестким законам военного времени. Дисциплина была очень высокой. Всякое подобие «дедовщины» немедленно пресекалось. Работала внутренняя контрразведка, военный трибунал и случалось, провинившихся направляли в штрафной батальон. Вместе с тем в армейской жизни было много интересного, порой забавного, а иногда и грустного. В памяти сохранилось несколько эпизодов «полусмешных, полупечальных». Вот некоторые из них.

Тоже мне донжуаны!

«Сержант Галочкин, младший сержант Матвеев к командиру роты!» Ротный был озабочен: «Ребята, в 15.00 в клубе дивизии состоится совещание партийно-комсомольского актива, и наши представители должны быть там. Галочкин – ты парторг роты, и никаких «но» (Галочкин недавно стал лишь кандидатом в члены партии). Борис – ты комсорг роты. Быстро переодеться и бежать туда. Обязательно зарегистрируетесь». Через пять минут мы уже спешно шагали к клубу.

Июль. Жара. Под ногами расплывается песок. Наша учебно-запасная дивизия располагалась на левом пологом берегу Оки, примерно в 60 км ниже Рязани. Это были знаменитые Селецкие лагеря (по названию деревни Сельцы), где раньше формировалась польская дивизия Костюшко. Совещание проходило на открытом воздухе в летнем клубе. Начальство заседало на сцене в раковине для оркестра. Доклады читали по бумажке, сильно клонило ко сну. Солнце нещадно палило наши стриженные головы, одолевали мухи.

Наконец мука кончилась. Когда вышли, Галочкин предложил искупаться. Мы надели пилюльки и, сунув инструкции за голенище, ринулись вниз к реке. Немного настораживала безлюдность берега. По пути, примерно в 50 м от нас на пригорке сидели трое по пояс раздетых и упитан-

ных мужиков. Мы проскочили мимо, быстро разделлись и нырнули в воду. Только вынырнули, услышали зычный командирский голос: «Солдаты, ко мне!» Один из них встал, мы обомлели – лампы! Галочкин шепнул: «Бежим!» Мигом завернув сапоги и одежду в белье, голышом бросились бежать вдоль кромки реки через крапиву и заросли ивняка. Мы мчались так стремительно, что не слышали треска кустов под ногами. Через некоторое время опомнились: погони не было. Наше белье было разорвано в клочья, и его пришлось зарыть в песок, а на нас не только не одной царапины, но и ожогов крапивы нет. Быстро одевшись, мы бережно завернули инструкции в портянки и нарочито бодрым шагом направились в расположение роты.

«Ну, как?» – спросил ротный. До войны он был учителем истории, пообтерся на всяких совещаниях и знал, что к чему. Мы доложили, но никак не могли унять внутреннего нервного клекотания. Евгений Иванович отвел нас в сторону и, оглянувшись, потребовал: «Выкладывайте!» Выслушав, он поблел и, сдвинув фуражку на затылок (его характерный жест), выразительно показал нам кулак. «Никому ни слова!» – процедил он тихо. Хороший человек был наш батя, лейтенант Лапшинов. А инструкции велел изучить.

По распоряжению командира роты старшина выдал нам новое белье, ухмыльнувшись при этом: «Тоже мне донжуаны!»

Ремесло на воротах не висит

Меня вызвал командир роты. – Борис, в твоей солдатской книжке указана гражданская специальность «слесарь». Это что, правда?

– Так точно, товарищ лейтенант. Я учился в ремесленном училище, проходил практику на заводе, ткацкой фабрике и в тракторной бригаде.

– Когда это ты успел... Тебя как слесаря требуют в штаб полка.

Адъютант штаба моему приходу обрадовался. Приближался сентябрь и надо было срочно отремонтировать отопительную систему в двухэтажном доме штаба. Он провел меня по всем комнатам, показал все трубы, батареи и котельную, размещенную в подвале. Конечно, мальчишкой я видел, как это делают, но сам никогда не занимался ремонтом труб. «На службу не навязывайся, а от службы не отказывайся». Да и отказываться было поздно. Я попросил найти мне помощника с опытом слесаря-водопроводчика. Вскоре пришел пожилой солдат, лет за 40, примерно ровесник моему отцу, и представился: «Василий». Теперь уже я как старший показал ему всю систему отопления и под конец признался, что мне никогда не приходилось заниматься подобной работой. Он неторопливо закурил сигарку и сказал: «Штука нехитрая. Ты резьбу нарежь сможешь? Ну, и ладно. Мы здесь недельки три и подкормимся».

Дядя Вася оказался отменным знатоком своего дела и охотно делился со мной опытом, рассказывал о стояках, лежах, сгонах, безошибочно находил места, где накапливается ржавчина и образуются пробки. Под навесом мы установили тиски, и я с утра до вечера пилил, нарезал резьбу, промывал батареи и помогал устанавливать их на место. Питались мы в офицерской столовой вместе с поварами и подсобными рабочими. Когда все было готово, систему снова промыли и сделали пробный прогрев. Мне пришлось поработать истопником. Все работало нормально, и я доложил об этом адъютанту полка. Он дотошно все проверил и поблагодарил нас за хорошую работу.

Грустно было расставаться с дяде Васей, у которого я многому научился и успел подружиться с ним. Армейские будни снова закрутили меня. С утра зарядка, бег до 5 км или лыжи вместе с солдатами, физическая подготовка, полоса препятствий, тактические учения в поле, учебные стрельбы, вечером чистка оружия, и так от подъема до отбоя. И вот однажды я увидел его около столовой, осунувшегося, постаревшего: «Сыночек мой погиб». Я обнял его, к горлу подкатил комок. Слова утешения были лишними. Он раскурил свою неизменную сигарку, и мы попрощались.

Наступила зима. Во время очередного утреннего построения командир роты прочитал приказ по полку. Мне была объявлена благодарность «за образцовое выполнение специального задания командования».

Дорожный случай

После сопровождения воинского груза я оказался в г. Владимире. Мне надо было срочно вернуться в свою часть. Военный комендант, к которому я обратился за билетом до Москвы, отрезал: «Билетов нет и не будет. Добирайся самостоятельно». Закинув автомат на плечо, я отправился на перрон. Подошел поезд Горький-Москва. Все проводники – пожилые мужчины. Они бдительно охраняли входы. Дождавшись, когда один из них отвернулся, я вспрыгнул в тамбур и вошел в плацкартный вагон. В одном из переполненных купе сидели трое: инвалид без ноги в нижней рубашке, рядом с ним молодой лейтенант-летчик и напротив – лейтенант-моряк. Они играли в домино и, увидев меня, обрадовались: «Иди к нам, артиллерист, будешь четвертым» (бронебойщики имели символика артиллеристов).

Инвалид по-хозяйски взял из моих рук автомат, уверенно и ловко снял диск с патронами и отдал его мне, затем открыл и закрыл затвор, щелкнул для контроля и, поставив его к себе за спиной, сказал: «Теперь порядок, садись пить чай». Мои попутчики возвращались из госпиталей и были навеселе. Чай оказался разбавленным спиртом. Летчик еле ворочал языком, а моряк его разыгрывал: «Может быть, ты технар? На вашем аэродроме и самолетов-то нет». «Есть... Один – мой», – неизменно отвечал летчик. Наконец он совсем опьянел, и мы помогли ему взобраться на третью багажную полку. Вторые были заняты. Мы вяло продолжали выстраивать длинный ряд фишек... Вдруг на столик с грохотом шлепнулся пистолет, и фишки брызнули в разные стороны. Через мгновение на наши головы свалился летчик и бессвязно залепетал: «Что? Где? Как?» Хмель с него слетел. Он схватил пистолет и засунул его за пояс. Все произошло так молниеносно, что моряк весело рассмеялся. Инвалид молча посмотрел на летчика, потом перевел взгляд на меня. Играть больше не хотелось.

Когда поезд подъезжал к Москве, все посерьезнели и помрачнели. Инвалид пристегнул протез, надел китель подполковника с орденами и тремя нашивками за ранение: две красные, одна желтая. На фронте он был с начала войны. «Давайте простимся, а то меня будут встречать, лить слезы, – он по-отечески обнял меня и тихо сказал: – Удачи тебе и не дай Бог оказаться там».

На перроне я увидел его в окружении близких. Мне стало грустно и одиноко. Война еще продолжалась.

Б.К. МАТВЕЕВ,
профессор
кафедры геофизики

Молодые солдаты

Клятву выполнив свято,
годы, годы подряд
Молодые солдаты
в чистом поле лежат.
Смолкнул танковый скрежет,
и вокруг тишина.
А для них, как и прежде,
попыхает война.
И солдаты остались
в этой огненной мгле,
Навсегда окопались в родимой земле...
Встаньте,
Гляньте же снова на простор голубой!
Ведь Победа давно вам
протрубила отбой.
Бродит брага в бочонках,
набухает зерно.
Дома в отчей сторонке
ждет вас хлеб и вино.
Ждет осенняя пажить,
кузня в дальнем селе.
Но свинцовая тяжесть
придавила к земле.
...Журавлиные стаи
да небес синева.
Из костей прорастает
молодая трава,
И в ржаной позолоте,
и в пыльце полевой –
Вы встаете,
встаете
для жизни живой.
Вот как крепко сродниться
вы с землею смогли! –
Сами стали частичей
нашей русской земли...

Владимир РАДКЕВИЧ